

Невидимка

Клифф Бёрнс

Ненавижу, когда она орёт на меня перед ребенком. А он – просто стоит, выпучив глаза, пока она меня кроет.

«Я не потерплю — слышишь, НЕ ПОТЕРПЛЮ — чтобы ты эту гадость в моем доме курил, да ещё на глазах у моего сына. Понял? Это же не только твоя жизнь – о нас ты подумал? Кроме тебя, есть и другие люди – никогда не замечал? А ему что думать прикажешь?» Она указывает на Джеффа, но тот просто опускает голову.

«Ну, в чём дело, Салли? Это же — просто косяк, в конце концов. А когда ты при нём вваливаешься в дом, так насосавшись, что вряд ли вообще его узнаёшь? Что-то не вижу, чтобы ты об этом широко распространялась.»

«Не смей — », — начинает она.

«Говорю, как есть», — выпаливаю в ответ.

«— оскорблять меня перед моим собственным сыном. Никогда больше не смей этого делать, Рэй. Никогда. Будет самой большой ошибкой в твоей жизни». Она кладет руку на голову мальчика. Он только смотрит вверх, на неё, с удивлением – не привык, чтобы она его касалась, проявляла хоть какую-нибудь нежность.

«Понятно. Теперь он — ТВОЙ сын. А твои речи о том, как мы все – одна большая, тесная семья?»

«Тэд бы никогда —»

Тут я действительно взрываюсь. «Тэд, Тэд, Тэд. Этот гад здесь аж в воздухе висит. У тебя тут до сих пор его фотографии на стенах, звонишь ему раз в месяц. Но, не-ет, я не жалею. Обожаю делиться зарплатой с телефонной компанией. Ёлки-палки, Салли, вы же уже три года, как расстались — когда ты собираешься пуповину резать? Мужик — дерьмо». Я вижу, Джефф вздрагивает от моих слов — но уже сказано, и меня несёт. «Деньгами не помогает, фотографий Джеффа не хочет... Открытку раз в год на праздники прислать не может. А я тут вкалываю, как проклятый, чтобы было, что жрать в доме, и хоть бы спасибо кто сказал — »

«Джефф, иди в свою комнату», холодно, как лёд, говорит Салли.

«Он уже пытался уйти в свою его комнату!» – ору я, и Джефф опять вздрагивает. «А ты решила, что твоей сцене декорация нужна».

Она только СМОТРИТ. Опять мне на диване спать. Не надо было косым спорить.

Как мне этого малыша жалко. Я из кожи вон лезу, чтобы избежать скандалов с Салли, но она всё ковыряет и ковыряет, как будто я – прыщ какой-то.

Каждый раз, как сцепляемся, она успевает пару раз заехать ниже пояса. Как то выступление о Тэде.

Знаю, не в косяке было дело. Этим мы и вместе не раз развлекались, когда Джефф уже в постели — она это и сама любит. Вот только каждый раз, когда она косая, я ей должен пиццу или китайскую еду заказывать.

Сегодня просто вернулся домой с работы — ни её, ни Джеффа дома не было — так я и решил скрутить себе, для расслабления. Докуривал, слушая ВТО по радио (громкость на полную), когда они вошли.

БАБАХ!

У неё тоже был тот ещё денёк. Увидела меня с дотлевающим между пальцев косяком, и взорвалась. Нечего чихать в горах при угрозе лавины.

По пути в свою комнату, Джефф вытаскивает какие-то комиксы из одной из принесённых сумок. Он ещё шаркает по проходной, а уже уткнулся в последний выпуск Человека-паука. Бедный мальчуган. Человек-паук — наверное, его лучший друг на свете. Хорошо бы подсесть на край его кровати, потрепаться, может, почитать вместе комиксы — ведь бывают неплохие. Но Салли опять уже гавкает, я начинаю отлаиваться, и мы аж до восьми не выдыхаемся.

В первый же перерыв в сражении, иду заглянуть к Джеффу. Он скомкал все свои простыни и ватные одеяла на середине постели. Он где-то под этой кучей, слышно, как он что-то про себя напевает. Спрашиваю, всё ли в порядке, может, принести чего-нибудь, но вряд ли он меня слышит. Закрываю дверь и оставляю его в этом тихом убежище.

Черт побери, интересно, знает ли Салли об этой его новой уловке. В смысле, вряд ли это - хороший признак. Малыш отдаляется от нас, а может, развивается какая-то — проблема, что ли, из-за — из-за того, что тут творится. Неправильно это всё. То, что мы делаем с мальчиком, неправильно.

Надо проводить с ним побольше времени. Работаю без выходных, а всё остальное внимание приходится уделять Салли — иначе съест живьём. Изредка получается побыть с ним наедине, конечно. Беру его с собой в магазин, или шатаюсь вокруг школы после уроков и веду домой. Он почти ни слова не говорит, когда мы с ним вдвоём. Только «угу» или «нет», а чаще всего только пожимает плечами. Не знаю, что он думает о том, что я живу в его доме, сплю с его матерью в одной постели. Даже в его возрасте дети знают, что взрослые там не в шахматы играют.

Я всегда ему что-нибудь покупаю. Знаю, это выглядит плохо, как будто я пытаюсь купить его любовь, но не могу удержаться. Каждый раз один и тот же ритуал: я толкаю ему какую-нибудь модель, или игрушку, через весь стол, и пытаюсь расшифровать его бормотание, пока он её берёт и рассматривает. Я знаю, он любит мои подарки, всегда потом вижу, как он с ними играет. Думаю, просто боится показать слишком много энтузиазма, потому что тогда у неё будет, что у него можно отобрать. Постоянно угрожает забрать его игрушки, если он будет плохо себя вести. А дело как раз в том, что ведёт он себя хорошо. Даже слишком хорошо. Как дрессированный зверёк. Он появляется, когда она хочет, чтобы он появился, даёт голос, когда она хочет, чтобы он заговорил — но, как правило, она просто хочет, чтобы он «умер».

Когда я вернулся на кухню, все было почти в норме. Не знаю, что у нас за норма. Спрашиваю Салли, есть ли планы на выходные, а она только странно смотрит.

«Как всегда», — отрезает она.

Каждые выходные, одно и то же. Захватить продуктов, спиртного, пару фильмов напрокат — и сидеть, как пара попугайчиков, до понедельника. Пытался их хоть на пляж или в парк вытащить. Может, пожарить на костре сосисок, пошвырять Фрисби, повеселиться. Ну, как настоящая семья. А она не хочет паковать обед, трястись в раскалённой машине, не любит вонючие туалеты, мошкору, толпы людей, громкую музыку... так и остаёмся дома задницы отсиживать.

Может, она нас с Джеффом одних пустит. Взять бы недельку, по лесу побродить, с палаткой постоять. Даже спросить боюсь — знаю, как она ненавидит оставаться одна. Женщина просто не в состоянии сама себя развлечь. Говорит, что на это мужики есть. Как-нибудь напьюсь хорошенько, спрошу — что случилось, у Тэда шутки кончились?

Она меня год к себе за это не подпустит, но плевать. Каждый раз, как она его упоминает, у меня просто дрожь. Первая любовь. Школьный роман. Девственность ему отдала. Чувь это всё. Я так думаю, этот ублюдок больше Джеффу навредил, чем все остальные. Что бы я думал, если бы от меня отец так отвернулся? Что я ломаного гроша не стою. Так Джефф себя и чувствует.

В субботу утром мы с Джеффом смотрим старые мультики и треплемся ни о чём, тут она влетает и начинает орать, что его комната — полный бардак. Ну, у какого ребёнка в комнате полный порядок? Но она его просто грязью обливает, он и ленивый, и тупой, и безответственный. Он, как щенок, в угол забился, съёжился весь. А я, осёл, сижу, как бревно, и молчу. Он выключает телевизор и безропотно уходит в свою комнату. Салли уселась за столом, кофе пьёт, курит, уставилась на меня, вызывает что-то сказать. Я жду, пока она пойдёт в душ, иду помочь Джеффу прибраться — но он уже закончил и сбежал на улицу. Прибираю, что ещё осталось, оправляю кровать.

Салли просто соловьём в душе заливается, такая вся счастливая. Когда я прохожу мимо, она выходит, целует меня и идёт на кухню готовить завтрак, припевая и пританцовывая. Когда еда готова, зову Джеффа с улицы через заднюю дверь.

Тут он выходит из своей спальни, как зомби какой-то, садится за стол. Лицо какое-то опухшее, бледное, потное. Я хочу его отчитать за эту игру в прятки, но он так странно выглядит, что я только наклоняюсь и спрашиваю, как он себя чувствует — а он чуть до потолка не подпрыгивает.

«Дядя Рэй тебе задал вопрос, Джефф», — тербит его Салли.

«Все в порядке?» Улыбаюсь, стараюсь не тревожить, но вижу, как начинает дрожать губа и знаю — ещё чуть-чуть, и он начнёт всхлипывать. Меняю тему, рассказываю Салли о новостях на работе. Весь завтрак не спускаю с него глаз. Что-то с ним точно сегодня не так. Вижу же — он не голоден, но заставляет себя есть, потому что если он не съест завтрак, она разозлится и оставит его и без обеда, и без ужина. Жует осторожно — она не переносит чавканья.

Закончив еду, вытирает рот салфеткой, отодвигается от стола, ставит тарелку в раковину. Просит разрешения уйти, одевает куртку и туфли, идёт на улицу. Кто его знает, что он там делает.

«Хочешь, сходим сегодня в кино?» Ждал нужного момента, чтобы застать её врасплох.

«Идёт что-то хорошее?» — нахмурилась, боится, что нарушится монотонность её жизни.

«Да, Пиноккио в центре. Обожал этот фильм, когда был ребенком. Джеффу будет —»

«Не дури», — отрезает. «Не хочу смотреть эту чушь».

«Но Джеффу бы очень понравилось —»

«Очередной идиотский мультфильм!» Она начинает закипать, и я уже ничего не могу поделать. «Только и делает, что мультфильмы смотрит. Когда же он наконец получит дозу реальности?»

«Беда в том, что он уже получает слишком много реальности, особенно дома». Не успел язык прикусить.

«ИДИ В ЗАДНИЦУ!» Крикнула и потопала в спальню. Хлоп!

Рэй, дружище — опять превзошёл самого себя...

Вечером — никакого кино, никаких прогулок, и за то, что Джефф просит включить телевизор, он отослан спать без ужина. Я пытаюсь вмешаться, но Салли так спокойно на меня смотрит и холодно предлагает идти в ж...

Джефф плетется в спальню. Когда он проходит мимо, пытаюсь поймать его взгляд. Но он смотрит прямо сквозь меня. На лице — никакого выражения, слишком сломан, чтобы что-либо чувствовать.

А может, послать это всё — и дёрну. Очень заманчиво. Сбежать от этой психопатки, найти старых друзей-алкашей, напиться, покайфовать, побезобразничать вволю... И тут вспоминаю те минуты, когда она мягкая, принарядившаяся, может и поговорить, и посмеяться, заигрывает со мной взглядами. Я эту женщину люблю больше всего на свете. Больше, чем себя. Да ещё Джефф. Какая-то очень глубокая, очень таинственная связь у нас с этим мальчишкой. Думаю, мы с ним когда-нибудь будем друзьями. Почти уверен.

Я остаюсь. Псих, конечно, но я всегда в конце концов остаюсь.

Позже, выйдя из сортира, подхожу к двери Джеффа. Стучусь, засовываю голову.

Комната пуста.

На этот раз я в этом уверен. Проверил под кроватью, даже в шкаф заглянул.

Уже собираюсь закрыть дверь, недоумеваю, как и куда это он мог уйти, и вдруг слышу тихий такой вздох. Опять шарю глазами по комнате — никого. Ладно, послышалось.

Закрываю дверь и направляюсь по коридору — вдруг слышу, как дверь его спальни сама собой открывается за моей спиной. Так и замираю. Оборачиваюсь, медленно-медленно. Никого. Думаю, ладно, плохо защёлкнул дверь, сама открылась. Бывает. Тянусь опять к ручке и слышу голос, тихий, как мышь, тоненький, откуда-то из комнаты.

«... пожалуйста... Дядя Рэй... пожалуйста...»

«Джефф?» Опять вхожу в спальню, пытаюсь его найти.

«... помогите, пожалуйста... Я не могу обратно появиться...»

Спотыкаюсь обо что-то. Похоже, об ногу, хотя кто его знает. Нет там ничего. Встаю на колени, и чувствую, как детская рука проникает в мою, крепко сжимает мои пальцы.

«Пожалуйста», — плачет. «Я — я боюсь. Помогите... пожалуйста...»

«Хорошо», — обещаю. И невидимый мальчик приникает ко мне, и я крепко-крепко его обнимаю.

© 2007 Cliff Burns (Все права защищены)

Перевод: Ю. Сабинин, для Алёнушки.